

ОРГАНИЗМ АКТЕРА

- А РМЕН БОРИСОВИЧ, я знаю, что после окончания школы вы поступали в ГИТИС и вас не приняли из-за того, что вы говорили с большим акцентом. Обидно было? Какие чувства вы испытывали тогда?

— Если честно, то я уже не помню. Сейчас можно что-то придумать, но это будет недостоверно. Конечно, меня это задело, было отчаяние, но прошло столько лет с тех пор, что все свои ощущения я позабыл. По поводу этого Отелло произносит у Шекспира хорошую фразу: «Расскажите, как было, — ничего не прибавляя, ничего не убавляя». Вот это самое трудное в воспоминаниях, ибо мы живем в мире фантазий.

— А вы помните дату своего первого выхода на сцену?

— Первая моя роль была в пьесе Гусева «Иван Рыбаков». Я вышел на сцену и сказал: «Товарищ капитан, вам телефонограмма». Это было 25 января 1955 года. Но важен не факт выхода, а то, насколько это вошло в меня, во что это преобразилось.

— А во что, по-вашему, это преобразилось?

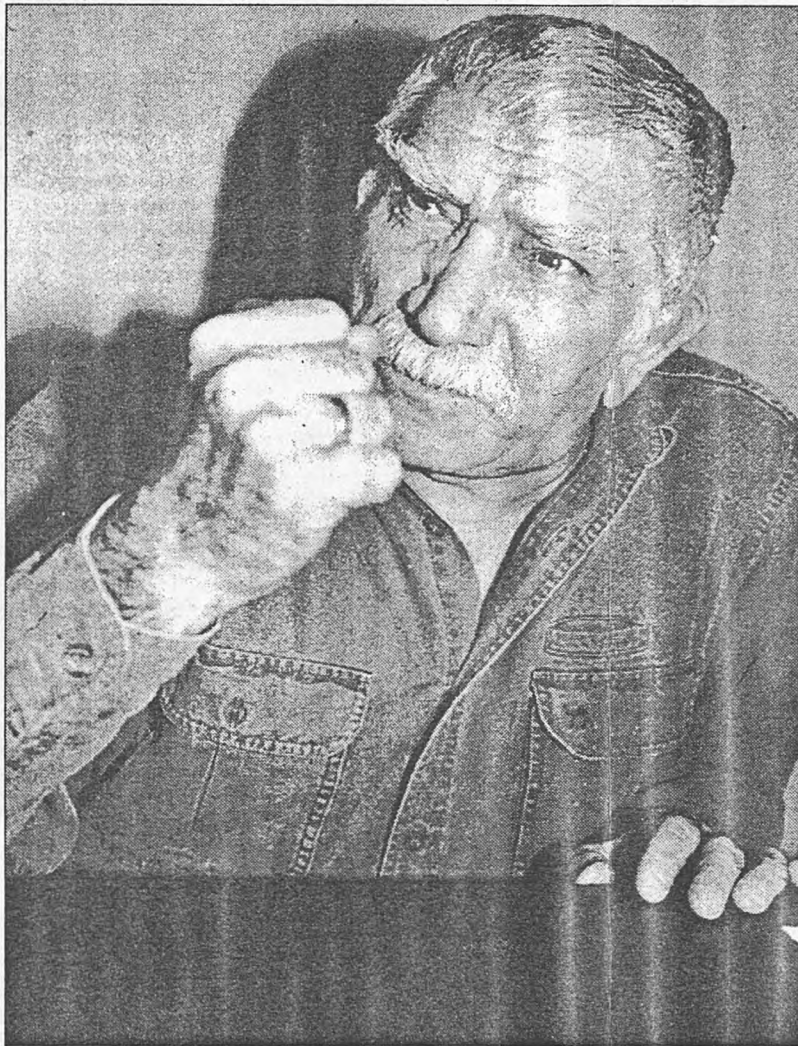
— В мою память, в мою жизнь. Наверное, в ту минуту, когда я впервые вышел на сцену, что-то произошло в моем организме, и он подсказал мне, что это мое дело. Я фантазирую сейчас. Но, если бы мой организм не захотел этого, то я, например, потерял бы сознание или у меня разболелась бы голова. Но ничего подобного не случилось, и я до сих пор на сцене. Жизнь — это поток нервной энергии, которую вырабатывает организм. Вот сейчас вы задаете мне вопросы, я на них отвечаю, а между нами происходит еще что-то, что мы не в состоянии зафиксировать. Это что-то и интересно. Если говорить о той профессии, которой я занимаюсь, то она абсолютно основана на биотоках, извините за такое заграничное слово.

— Вы имеете в виду биотоки между актерами или между актерами и режиссерами?

— Это никто не знает. Скорее между небом и землей. Недавно я прочитал хорошую фразу: «Жизнь человека — это встреча неба и земли». Нет приборов, которые бы это фиксировали, но отсутствие приборов не означает, что этого не существует.

— Вы приехали в Москву из Еревана по приглашению Анатолия Эфроса, которому вас порекомендовала Ольга Яковлева. Вы что-нибудь помните о

Человек должен ходить в театр, чтобы врачевать свою душу, утверждает Армен Джигарханян

Нравственная эру-диз
16 нояб. — с. 9, 13

том периоде или уже тоже все забыли?

— (Смеется.) Нет, прекрасно помню. Помню испуг, помню растерянность, потому что тогда методология Эфроса и его манера работать очень отличались от общепринятых. Хотя я был не новичок (меня многому научил мой мудрый институтский учи-

тель, я долго работал в театре, была уже своя метода работы), но все же испытывал массу неудобств. Эфрос опережал свое время и был действительно великим режиссером. Меня кидало из стороны в сторону: то я хотел соответствовать ему, то хотел бежать от него, так как в голову приходили мысли, что я никогда этого не одолею. Но я

всегда вспоминаю необычайно хорошо о том времени.

— Каким образом у вас происходит контакт со зрителями?

— То, что происходит на сцене, должно иметь отношение к жизни. Мы не имеем права жить одной жизнью, а на сцене играть другую. Да, мы все равно играем другую жизнь, так как Отелло надо помазать лицо краской, чтобы он выглядел мавром, и так далее. Но все равно очень важно, какие проблемы мы приносим в театр. Мы — это актеры. Тогда у нас со зрителями происходит разговор, потому что есть такие проблемы, которые задевают всех. Драматургия же — это повод поговорить о них. И вот происходит контакт. Вы в зале плачете, смеетесь, а я на сцене тоже плачу, смеюсь. Выясняется, что мы друг с другом разговариваем. Я говорю об этом потому, что есть очень мощный театр, который пренебрегает этим и считает, что проблемы не важны, важно зрелище, то есть зритель пришел посмотреть костюм, пластику, послушать голос и так далее. Я против этого. Я — за врачевание.

— Как бы вы могли продолжить фразу: «Театр — это ...»?

— Театр понятие очень определенное. Театр — это врачевание. Допустим, у вас разболелся зуб (пусть, конечно, этого не будет), и вы пошли к врачу. Вот так должен человек ходить в театр для того, чтобы врачевать свою душу, ибо мы все заряжены в жизни какими-то проблемами. И порою от неспособности их решить мы старимся, злимся, изменяемся в лице. А искусство воздействует на вашу душу, и вы становитесь на путь выздоровления. Театр и придумали для врачевания души.

— Вы преподавали во ВГИКе. Почему вам пришлось уйти оттуда?

— Я абсолютно не согласен с программой творческих вузов. Она составлена по принципу библиотечного или педагогического института. А это неверно. Четыре года в отрыве от театра — это варварство. Потом — огромное количество предметов, которые не нужны, потому что, если два часа в неделю есть занятия по западной литературе, это видимость того, что студенты что-то узнают про западную литературу. Это ерунда. Для того чтобы что-то узнать, надо иметь потребность. Когда я репетировал Ричарда III, то облизал все библиотеки, читал, слушал, думал. И меня никто не заставлял это делать. А во ВГИКе я все это терпел, терпел, и они меня терпели. Потом нужно было следовать программе, которую неизвестно кто придумал.

(Окончание на стр. 13)

Армен Джигарханян.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)